N 49/174

СВИСЛОЧСКАЯ СМУТА

(Разъясненіе крестьянина Малиновскаго на основаніи документовъ).

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
ф31-12818

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1880

(Извлечено изъ № 48 «Церковнаго Вѣстника»).

2007042023

Печатано въ Типографіи Департамента Удѣловъ, Литейный просп. д. № 3.

49
174

СВИСЛОЧСКАЯ СМУТА

(Разъясненія по дѣлу крестьянина Малиновскаго на основаніи документовъ (*).

Мы прочитали, изучили, насколько могли, подлинное дѣло литовской духовной консисторіи о крестьянахъ, совратившихся въ латинство, въ томъ числѣ и о крестьянинѣ Малиновскомъ (**), и спѣшимъ передать читателямъ «Церковнаго Вѣстника» главнѣйшія данныя, извлеченныя нами изъ него. Мы не могли оторваться отъ этого въ высшей степени замѣчательнаго памятника. Передъ нами проносились то яркія, законченныя, то едва намѣченныя, или почти совсѣмъ затер-

(*) Обращаемся къ читателямъ съ покорнѣйшею просьбой удержаться при чтеніи этой статьи, хотя на время, отъ сужденій о нашихъ личныхъ мнѣніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ. Мы не имѣемъ здѣсь въ виду ни оправдывать, ни доказывать какія бы то ни было насилія въ дѣлѣ вѣры. Мы просто пишемъ здѣсь на основаніи документовъ хронику страстной религіозной борьбы въ одной изъ самыхъ глухихъ мѣстностей западной Россіи,—мѣстности, бывшей однако не разъ укромнымъ уголкомъ для польской смуты. Справедливость требуетъ сказать, что и теперь эта мѣстность очень удачно выбрана смутотворцами.

(**) По архиву литовской духовной консисторіи № 191, по 4 столу № 18.

тыя опытною рукою картины близко знакомыхъ намъ нравовъ и даже образы нѣкоторыхъ, лично намъ знакомыхъ людей. Мы не сомнѣваемся, что будущій историкъ современнаго состоянія западной Россіи сразу выдвинетъ это дѣло на видное мѣсто въ ряду другихъ памятниковъ. Не сомнѣваемся также, что и многіе читатели «Церковнаго Вѣстника» безъ утомленія пройдутъ съ нами по извилинамъ западно-русской жизни, начерченнымъ въ этомъ дѣлѣ,—извилинамъ, любопытнымъ для насъ—постороннихъ зрителей, и очень дорого стоившимъ для многихъ, въ дѣйствительности проходившихъ по нимъ на мѣстѣ.

Мы изложимъ это дѣло въ его, такъ сказать, историческомъ развитіи, съ важнѣйшими его осложненіями и неожиданными эпизодами, нерѣдко чисто драматическаго свойства. Но прежде этого мы должны сказать нѣсколько словъ о главнѣйшемъ лицѣ въ этомъ дѣлѣ, — священникѣ Гомолицкимъ, на которомъ защитникъ крестьянина Малиновскаго г. Спасовичъ сосредоточилъ самые сильные удары своего краснорѣчія и своей адвокатской опытности. Другое главное лице, даже самое главное, если угодно, — крестьянинъ Малиновскій, о которомъ мы будемъ высказывать каждое слово съ опасеніемъ увеличить хотя на малѣйшую долю его вольное или невольное несчастіе, пусть выступаетъ самъ.

Въ нашемъ опроверженіи передовой статьи (№ 127) «Церковно-Общественнаго Вѣстника», мы между прочимъ сказали:

«Онъ (г. Спасовичъ) приводитъ изъ показаній этого священника ссылку на интриги латинянъ. Когда я прочиталъ это мѣсто рѣчи г. Спасовича, то остановился въ великомъ недоумѣніи:

такъ ли дѣйствительно священникъ Гомолицкій не далекъ и не свѣдущъ, что ограничился въ своихъ показаніяхъ однимъ общимъ мѣстомъ касательно интригъ латинства, или въ его показаніи есть разныя подробности, не взятыя изъ дѣла г. Спасовичемъ? Предполагая даже первое, я опять недоумѣвалъ, неужели г. Спасовичу, даже помимо судебнаго дѣла Малиновскаго, неизвѣстны эти подробности»?

Теперь, на основаніи дѣла о совратившихся въ латинство, я обязанъ прежде всего вывести священника Гомолицкаго изъ положенія недалекаго и несвѣдущаго человѣка касательно латинскихъ интригъ; обязанъ также вывести и г. Спасовича изъ представленнаго ему мною болѣе удобнаго положенія — присяжнаго, не нашедшаго въ дѣлѣ нужныхъ подробностей этого рода, и предоставить ему самому занять какое-либо другое положеніе, едва-ли столь-же выгодное.

Я не знаю лично священника Александра Гомолицкаго и не могу судить, въ какой мѣрѣ онъ самъ заслужилъ обрушившіяся на него невзгоды; но что касается его знанія и твердости въ разъ занятомъ положеніи ратоборца за православіе, то его собственноручныя бумаги, находящіяся въ этомъ дѣлѣ, даютъ ему неотъемлемое право на великое вниманіе и глубокое уваженіе. Онъ основательно знаетъ свое дѣло, понимаетъ его глубже всѣхъ его окружавшихъ, и ни разу не измѣняетъ себѣ. Разъ только онъ обнаружилъ какъ-бы упадокъ энергіи, когда уже сдвинутый съ своего мѣста и подвергшійся запросу и на новомъ своемъ мѣстѣ о дѣлахъ за десять лѣтъ до того, заключилъ свой отвѣтъ: «продолжительность времени и обстоятельства все изгладило (изгла-

дили?) у меня изъ памяти», хотя и тогда даже, какъ увидимъ, онъ твердо сохранялъ свѣтлое воспоминаніе о лучшемъ времени его пастырства (1866 г.), когда народъ «въ общемъ восторжномъ (какъ выражался отецъ Александръ) воодушевленіи, другъ друга подкрѣпляющіе, поощряли къ принятію св. таинствъ по обряду св. православной церкви» (*).

Обратимся теперь къ самому дѣлу. Съ перваго пункта своего движенія и до конца оно служитъ яблокомъ раздора для всѣхъ. Недоразумѣнія, разладъ, страстность даже въ официальныхъ бумагахъ всѣхъ заражаютъ, и только одно учрежденіе сохраняетъ замѣчательное спокойствіе и, какъ убѣдятся, надѣемся, сами читатели, даже большую гуманность. Это — литовская духовная консисторія, дѣла которой въ настоящемъ случаѣ даютъ право сказать, что и теперь живетъ въ западной Россіи духъ великаго іерарха Іосифа Сѣмашки.

Съ 1866 года, когда происходило присоединеніе многихъ латинянъ къ православію, и до 1870 года свислочская область не обращала на себя всеобщаго вниманія какими-либо особенно выдающимися явленіями своей религіозной жизни. Одни изъ присоединившихся слились съ массою православной паствы и даже извѣстны были особеннымъ усердіемъ къ пра-

(*) Дѣло л. 162. Да будутъ эти наши слова и нижеслѣдующія утѣшеніемъ и возбужденіемъ къ добру этому священнику, много испытавшему въ своей жизни зла! Сейчасъ мы прочитали въ 46 № «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», что это тотъ самый священникъ Гомолицкій, который въ послѣднюю польскую смуту «4 мѣсяца велъ скитальческую жизнь внѣ дома, преслѣдуемый мятежниками, свившими въ Свислочи свое гнѣздо». Этого священника мы хорошо знаемъ по нашимъ бумагамъ и просимъ читателей усилить всѣ наши похвалы ему.

вославной церкви. Изъ числа оказавшихся послѣ внѣ свислочской православной паствы, нѣкоторые даже крестили своихъ дѣтей въ этой самой—православной свислочской церкви. Совершались еще будто-бы какія-то насилія надъ этими послѣдними священникомъ Гомолицкимъ, но мы не могли дознаться по имѣющимся у насъ даннымъ, чтобы они сдѣлались извѣстными въ этотъ именно промежутокъ времени. Религіозная жизнь свислочской области дѣлается общеизвѣстною и вызываетъ большій и большій шумъ только съ 1870 года, т. е. спустя слишкомъ четыре года послѣ извѣстнаго движенія латинскаго народа западной Россіи къ православію. И въ дѣлѣ литовской духовной консисторіи оно начинается съ конца этого года, и начинается сразу оригинально, становится, что называется, ребромъ. 30 декабря 1870 г. исправлявшій должность судебнаго слѣдователя волковыйскаго уѣзда, г. Эртель (*) предъявляетъ литовской духовной консисторіи суровое требованіе понудить священника Гомолицкаго дать ему г. Эртелю объясненіе, «на основаніи какихъ данныхъ привлекаются къ исполненію обрядовъ православной церкви» шесть

(*) Мы знали до сихъ поръ двухъ гг. Эртелей: одного знали по старымъ бумагамъ—непомѣрно суроваго двигателя русскихъ началъ въ западной Россіи; другого,—строителя православныхъ церквей въ той же западной Россіи мы знали лично, и онъ намъ всегда представлялся гуманнымъ человѣкомъ. Этого третьяго г. Эртеля не имѣемъ удовольствія знать и не знаемъ, гдѣ онъ теперь находится; но, конечно, онъ теперь надежно будетъ пріобщенъ въ нашихъ воспоминаніяхъ къ двумъ другимъ гг. Эртелямъ, какъ совершенно выдѣляющійся изъ нихъ своимъ особымъ направленіемъ. Не сомнѣваемся, что и многіе читатели не легко забудутъ этого третьяго г. Эртеля, прочитавъ настоящую статью.

крестьянъ свислочской волости и въ числѣ ихъ родной братъ извѣстнаго намъ Осипа Ивановича Малиновскаго, Францъ Ивановичъ Малиновскій (л. 1). По дѣлу оказалось, что объясненіе Гомолицкій давно уже послалъ г. Эртелю, именно еще 10 декабря (л. 3). Неизвѣстно, не могла ли эта бумага нагнать г. исправлявшаго должность судебнаго слѣдователя, при его частыхъ разъѣздахъ, и засѣла гдѣ-либо, или она заслонена была на его столѣ другими многими бумагами и тоже исчезла, или наконецъ ее недоставилъ въ теченіи 20 дней на столь близкомъ разстояніи Свислочи отъ Волковыйска разсыльный свислочскаго волостнаго правленія, доносившій впрочемъ до этого города исправно прошенія о возвращеніи въ латинство. Мало того. Не оказалось у г. Эртеля и вторично даннаго ему священникомъ Гомолицкимъ отзыва отъ 16 февраля 1871 г. (лл. 9 и 30). Г. Эртель не находитъ возможнымъ оторваться отъ другихъ своихъ многотрудныхъ дѣлъ, чтобы разъяснить себѣ, что значитъ это отсутствіе у него бумагъ священника Гомолицкаго, — пропадаютъ ли онѣ гдѣ-либо, или Гомолицкій въ своей только исходящей тетради записываетъ числа и номера бумагъ, на самомъ дѣлѣ не писанныхъ и не посланныхъ? Г. Эртель избираетъ болѣе простую и удобную мѣру. Онъ пока совсѣмъ отворачивается отъ Гомолицкаго, какъ бы признаетъ его безнадежнымъ, а обращается прямо въ туже литовскую консисторію съ требованіемъ самой вытребовать отъ Гомолицкаго нужныя свѣдѣнія и доставить ему (л. 9 на оборотѣ). Наконецъ онъ теряетъ терпѣніе и по отношенію къ литовской консисторіи, и шлетъ

ей въ родѣ внушенія, что она должна была послать ему не тѣ, а другія бумаги (*).

Литовская консисторія стоитъ твердо и спокойно на пути обычнаго дѣлопроизводства, и ея твердость и спокойствіе теперь намъ понятны. У нея есть вѣскія вещи, о существованіи которыхъ начинаетъ смутно догадываться самъ г. Эртель, предполагаемый знатокъ русскихъ законовъ, и можетъ быть вслѣдствіе этого пишетъ новые свои запросы въ литовскую консисторію уже не на четвертушкахъ бумаги, а на полулистахъ (л. 31—32).

Изъ той же Гродны, изъ которой такъ подогрѣта была односторонняя ревность г. исправлявшаго должность судебнаго слѣдователя волковыйскаго уѣзда, г. Эртеля, поданъ былъ новый сигналъ жалобщикамъ на насильственное обращеніе ихъ въ православіе (**). По недовѣрію ли къ успѣху ревностной

(*) Г. Эртель даже возвратилъ назадъ бумагу консисторіи, заключавшую въ себѣ увѣдомленіе его о посланномъ Гомолицкому предписаніи удовлетворить требованіямъ г. Эртеля, и на той же возвращаемой бумагѣ написалъ *свое внушеніе (л. 13—16)*.

(**) Мы имѣемъ точныя, достовѣрныя свѣденія, кто подалъ этотъ новый сигналъ. Подалъ его русскій человѣкъ, занимавшій притомъ такое положеніе, откуда никакъ нельзя было ожидать смущенія совѣсти новообратившихся къ православію латинянъ. Этотъ злой человѣкъ, имѣвшій кромѣ того возможность нѣсколько лѣтъ калѣчить прекрасное направленіе лучшаго слоя западно-русскаго юношества, теперь далеко отъ Западной Россіи. Мы не назовемъ его имени, а позволимъ лишь себѣ сказать ему то, что сказалъ объ Олегѣ Святославичѣ, наводившемъ на русскую землю кочевниковъ, нашъ древній лѣтописецъ: дабы и Богъ простилъ грѣха сего! и такъ какъ этотъ злой человѣкъ два уже раза совершалъ этотъ грѣхъ,—въ двухъ западно-русскихъ областяхъ смущалъ совѣсть новообращенныхъ, то мы отъ души же-

слѣдовательской дѣятельности г. Эртеля, въ подкрѣпленіе ли ея, или наконецъ для усиленія соблазна въ западно-русскомъ православномъ мірѣ, свислочскіе жалобщики лѣтомъ слѣдующаго, т. е. 1871 г., вступаютъ на новый путь, —подаютъ одни за другими духовной православной власти прошенія о незаконномъ привлеченіи ихъ къ православію и о возвращеніи ихъ къ латинству, отъ котораго они, по ихъ словамъ, никогда не думали отступать. Но сразу эти простые люди, еще вѣроятно недостаточно тогда вразумленные опытными хитрецами тяжебныхъ дѣлъ, попадаютъ впросакъ, сами въ своихъ прошеніяхъ простодушно открываютъ ихъ незаконность. Первый застрѣльщикъ въ этомъ дѣлѣ (вольный или невольный, не знаемъ) Иванъ Широковскій въ первыхъ же строкахъ своего прошенія выдаетъ, что онъ сынъ православной матери (л. 4), слѣдовательно, въ силу извѣстнаго русскаго закона касательно смѣшанныхъ браковъ, долженъ быть православной вѣры. Проситель, т. е. неопытный составитель его прошенія, находится въ совершенномъ невѣдѣніи касательно этого дѣйствующаго закона русскаго государства; но онъ хорошо знаетъ законъ этого рода отъ прежняго времени и какъ спеціальный законъ одной лишь русской области. Неизвѣстно, поляки ли западной Россіи, любящіе жить въ области своего давнопрошедшаго и болѣе пригоднаго имъ прошедшаго русскаго, напомнили составителю прошенія прежній законъ,

---

лаемъ, чтобы ему не пришлось когда-либо услышать болѣе полный укоръ этого лѣтописца: «Се уже третіе наведе поганыя на землю русьскую, его же грѣха дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестьянъ изгублено бысть».

дѣйствовавшій въ западной Россіи, что дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ слѣдуютъ вѣрѣ своихъ родителей сообразно ихъ полу, или балтійскіе нѣмцы, которыхъ теперь такъ много въ западной Россіи и изъ числа которыхъ одинъ недавно былъ судимъ за ниспроверженіе русскихъ законовъ въ ковенской губерніи, воодушевились ревностію распространить на западную Россію недавнюю свою привиллегію касательно смѣшанныхъ браковъ, только Широковскій потому и указалъ въ своемъ прошеніи на свое происхожденіе отъ православной матери, чтобы показать, что въ его родѣ соблюдался этотъ именно особый порядокъ касательно смѣшанныхъ браковъ,—сестры его содержатъ православіе, а онъ съ братьями, какъ сынъ латинянина, содержитъ латинство, и съ его точки зрѣнія такъ и должно быть и его не должны считать православнымъ (тамъ же).

За Широковскимъ или, лучше сказать, вмѣстѣ, одновременно выступаетъ съ прошеніемъ нашъ Осипъ Ивановичъ Малиновскій, котораго прошеніе писано тѣмъ же лицомъ и помѣчено однимъ и тѣмъ же числомъ, 3-го іюня 1871 г., но подписано другимъ лицомъ и, вѣроятно, писано послѣ перваго. Здѣсь тотъ же случай—происхожденіе Осипа Ивановича Малиновскаго отъ православной матери, но дѣло гораздо сложнѣе и потому, вѣроятно, и придумано нѣсколько иное исходное начало для его объясненія. Малиновскій, не смотря на свое православное происхожденіе, своихъ дѣтей — и мальчиковъ (кромѣ одного по особому случаю, какъ увидимъ) и дѣвочекъ крестилъ въ латинскую вѣру. Для ослабленія силы этого явленія, ставшаяся въ разрѣзъ и съ старымъ русскимъ за-

комъ, въ прошеніи показано, что Осипъ Ивановичъ Малиновскій родился отъ уніатки (л. 6).

Литовская духовная консисторія сначала какъ будто не представляла себѣ ясно этого главнѣйшаго пункта въ исторіи смуты изъ за обращенія въ православіе латинянъ свислочской волости, и какъ бы желая стать на болѣе современную точку зрѣнія и проще затушить всю смуту, энергично налегла на другое основаніе—добровольное присоединеніе къ православію всѣхъ вообще жалобщиковъ, подтверждаемое ихъ подписками и внесеніемъ ихъ въ метрическія книги. Въ этомъ смыслѣ она сразу думала оборвать усердіе г. Эртеля и дала знать о своемъ рѣшеніи считать этихъ лицъ православными и въ латинскую консисторію и самимъ этимъ лицамъ черезъ полицейское управленіе и мѣстному священнику для продолженія его увѣщаній совратившимся (лл. 17 на оборотѣ и 19 и 20).

Если пристальнѣе вглядѣться въ это рѣшеніе литовской духовной консисторіи, то оно въ существѣ своемъ заключало слѣдующія мысли: перестаньте, постороннія лица, вмѣшиваться въ это дѣло и дайте прежде свободу пастырскому увѣщанію!

Но это вовсе не значило, что и литовская духовная консисторія игнорировала дѣйствующій законъ россійской имперіи касательно смѣшанныхъ браковъ. Объ этомъ давно писалъ ей священникъ Гомолицкій; объ этомъ онъ давалъ поясненія своему викарному архіерею, и, можно сказать, всѣмъ твердилъ, что у него есть въ запасѣ эта внѣшняя сила. Литовская духовная консисторія знала все это, слагала, такъ ска-

зать, въ своемъ сердцѣ, и только когда обнаружились. ясно раскинутыя поляками-латинянами и ихъ неразумными пособниками сѣти, озадачила всѣхъ своимъ указаніемъ на силу 47 ст. XIV т. Св. Законовъ. Это было уже почти спустя годъ послѣ начала этого шумнаго дѣла (л. 47).

Г. Эртелю оставалось или совсѣмъ остановить свое усердіе или направить его на провѣрку документовъ съ прежней точки зрѣнія литовской консисторіи,—на провѣрку подписокъ на присоединеніе къ православію, причемъ представлялся удобный случай провѣрить и пастырскія дѣла священника Гомолицкаго и бывшихъ гражданскихъ чиновъ волковыйскаго уѣзда и всю вообще такъ называемую въ рѣчи г. Спасовича и въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» систему обрусенія западной Россіи. Онъ избралъ этотъ послѣдній путь и далъ своей слѣдовательской ревности еще болѣе одностороннее направленіе.

Но пока опредѣлялись вверху начала и направленія дѣятельности, внизу, въ несчастной средѣ простыхъ людей, которыхъ совѣсть была смущена, дѣла шли старыми путями, и бѣдные люди болѣе и болѣе запутывались въ сѣтяхъ разставляемыхъ имъ ловкими людьми. Впрочемъ, кое-что изъ новыхъ началъ и направленій проникало въ эту темную среду, но на большую еще пагубу ей. И не нашлось ни одной доброй души изъ образованной русской среды, которая бы сказала вѣрное слово этимъ простымъ людямъ и охранила ихъ отъ вышесказанныхъ сѣтей, въ разстановкѣ которыхъ приняли участіе и жиды! Одинъ священникъ Гомолицкій—этотъ ужасный человѣкъ по изображенію г. Спасовича—былъ дѣйстви-

тельнымъ охранителемъ отъ еще большаго зла этихъ простыхъ людей. Послѣ перваго, очень дурнаго раздраженія священника Гомолицкаго, что эти простые люди такъ неразумно поднимаютъ совсѣмъ чужое дѣло,—раздраженія, выразившагося въ требованіи предать ихъ суду, какъ бунтовщиковъ (л. 5 на обор. и 11 на обор.), въ немъ задребежжала, сначала едва слышно, чисто народная западно-русская струна и потомъ уже непереставала дребежжать громче и громче, и наконецъ, какъ громкій, многострунный звукъ, раздалась для историческаго слуха не только въ томъ свѣтломъ воспоминаніи о народномъ *восторжномъ* настроеніи, какое хранилось въ немъ и тогда даже, когда все изгладилось у него изъ памяти, но и въ другомъ случаѣ, въ сильнѣйшемъ разгарѣ страстей, гораздо раньше, когда онъ въ другомъ своемъ донесеніи еще изъ Свислочи сказалъ: «воодушевленіе и восторгъ вообще тогда (въ 1866 г. во время присоединенія къ православію латинянъ) проявлялся было въ народѣ» (л. 127 на оборотѣ).

За первыми двумя прошеніями, писанными одною, весьма не твердою и можетъ быть женскою рукою, послѣдовали одно за другимъ другія прошенія, писанныя уже другими (двумя) руками, показывающими гораздо большій навыкъ и одно изъ нихъ даже твердость и бойкость пера не только въ смыслѣ почерка, но и въ смыслѣ слога, если переписчикъ прошеній былъ въ тоже время и авторомъ ихъ. Составлялись эти прошенія по одному принципу: чѣмъ больше скажется, тѣмъ лучше. Болѣе и болѣе выдвигается лицъ и въ числѣ ихъ то и дѣло родъ Осипа Ивановича Малиновскаго, именно-

то самъ онъ, то его братъ, то его дѣти, наконецъ, неизвѣстно чьи дѣти—Малиновскіе, и болѣе и болѣе поражающія доказательства насилія при отбираніи подписокъ. Одновременно съ тѣмъ г. Эртель энергично производилъ свое дознаніе объ этихъ самыхъ подпискахъ, объ этихъ самыхъ насиліяхъ. Священникъ Гомолицкій оказался въ положеніи столба, къ которому подходятъ со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ сторонъ поражаютъ. Литовская духовная консисторія по каждому новому прошенію требуетъ его объясненій; г. Эртель идетъ за нимъ по пятамъ во всѣхъ его дѣлахъ и производитъ ревизію всего его пастырства на глазахъ у всей свислочской волости, — православныхъ, латинянъ и жидовъ. Къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не находимъ въ дѣлѣ литовской духовной консисторіи подлиннаго дознанія г. Эртеля, а только извлеченіе изъ него, и не можетъ судить, насколько этотъ, оставленный въ одиночествѣ западно-русскій столбъ свислочской области Гомолицкій колебался отъ ударовъ осаждавшей его арміи; но передъ своею—литовскою консисторіею, въ многочисленныхъ своихъ донесеніяхъ, составляющихъ драгоцѣнный историческій памятникъ, онъ не только не колебался, а напротивъ наносилъ осаждавшей его арміи удары — одинъ другаго сильнѣе и вѣсче на вѣсахъ историческихъ. Мы представимъ въ самомъ сжатомъ видѣ эту поистинѣ трагическую борьбу одинокаго человѣка, безжалостно оставленнаго всѣми интеллигентными русскими людьми свислочской мѣстности,—борьбу съ цѣлою арміей осаждавшихъ его враговъ.

На первомъ планѣ этой замѣчательной батальной западно-русской картины, способной вызвать сильную боль во вся-

комъ русскомъ сердцѣ, выдѣляются прежде всего, кромѣ одинокаго, но возвышающагося надъ всѣми священника Гомолицкаго, Осипъ Ивановичъ Малиновскій съ цѣлымъ его родомъ, затѣмъ его ближайшіе пособники, далѣе люди, коварно выдвинутые просто для скандала, пугающіеся на первыхъ же шагахъ того, что они дѣлаютъ, и нѣсколько разъ то оборачивающіеся лицомъ противъ Гомолицкаго, то съ ребяческимъ непостоянствомъ обращающіеся на попятный дворъ. Наконецъ на отдаленномъ мѣстѣ этой картины, въ полумракѣ и повидимому въ совершенно безопасномъ отъ ударовъ Гомолицкаго положеніи, обозначаются дѣйствительные двигатели всѣхъ этихъ военныхъ силъ (*). Но зоркій, опытный глазъ священника Гомолицкаго видитъ этихъ дѣйствительныхъ своихъ враговъ, дѣйствительныхъ виновниковъ народной смуты, и потому нерѣдко, минуя ближайшіе ряды осаждавшаго его войска, какъ свою же родную кровь, направляетъ свои мѣткіе удары на этихъ отдаленныхъ враговъ, и еслибы не явное закрывательство, устроявшееся имъ со стороны русскихъ людей, то въ свислочской области была бы смута совершенно иного рода.

(*) Исправлявшему должность судебнаго слѣдователя г. Эртелю мы не можемъ назначить здѣсь опредѣленнаго мѣста, потому что не имѣемъ въ рукахъ его подлиннаго дознанія и полученныхъ имъ въ свое время инструкцій отъ г. прокурора гродненской уголовной палаты. Если мы получимъ возможность ознакомиться и съ этими документами и увидимъ, что они даютъ опредѣленное мѣсто г. Эртелю, а тѣмъ болѣе, если это мѣсто совершенно иное, чѣмъ мы предполагаемъ, то мы сочтемъ себя обязанными сообщить объ этомъ читателямъ «Церковнаго Вѣстника» въ ближайшемъ же номерѣ этого изданія.

Первый застрѣльщикъ Иванъ Широковскій получилъ отъ Гомолицкаго сразу столь сильный ударъ, что сейчасъ же сошелъ съ поля битвы и потомъ уже не выступалъ. Гомолицкій обнаружилъ, что называющій себя Иваномъ Широковскимъ есть Иванъ Чуракъ, что дѣдъ его изъ древне-православныхъ насильственно совращенъ былъ помѣщикомъ въ латинство, что мать его была тоже древне-православная и наконецъ, что въ 1866 году онъ далъ добровольную подписку на отреченіе отъ латинства и на всегдашнее повиновеніе законамъ св. православной церкви со всѣмъ семействомъ (л. 5). Тутъ же затронутъ и Осипъ Ивановъ Малиновскій и, главное, оба они представлены, какъ выборные отъ трехъ приходовъ, и дѣлаютъ дѣло на собранныя съ этихъ приходовъ деньги. Священникъ Гомолицкій очевидно уже вглядывался въ отдаленныхъ, скрывавшихся въ туманѣ дѣйствительныхъ враговъ своихъ. Въ той же бумагѣ, по всей вѣроятности знакомой г. Спасовичу, онъ прямо обращаетъ вниманіе своей власти на «дѣйствіе подземной свислочской латино-папской коалиціи». Дѣйствительные удары этой коалиціи, а при этомъ и неизбѣжные удары Осипу Ивановичу Малиновскому, онъ нанесъ въ другихъ своихъ бумагахъ. Осипъ Ивановичъ Малиновскій выступалъ съ своимъ прошеніемъ по одному, весьма важному обстоятельству въ его жизни. Его 19-ти-лѣтняя дочь, уже обрученная невѣста крестьянина добровольской волости Болбота, не могла вступить въ бракъ, потому что «священникъ Гомолицкій не разрѣшалъ и понуждалъ принять православіе». На послѣдовавшій запросъ священникъ Гомолицкій выступилъ съ такимъ побѣдоноснымъ

оружіемъ, которое при другихъ порядкахъ въ западной Россі сразу дало бы другое направленіе дѣламъ о совращеніяхъ, он едва-ли дошли бы до сената и ни въ какомъ случаѣ не да вали бы г. Спасовичу возможности защищать крестьянин Малиновскаго и нападать на обращеніе въ православіе лати нянъ въ 1866 г., какъ онъ теперь это дѣлалъ. Священникъ Гомолицкій показалъ, что Малиновскій не только сынъ православ ной матери и самъ добровольно далъ подписку на православіе но что онъ до настоящаго времени мысли о совращеніи н обнаруживалъ, а всегда отвѣчалъ только: еще обожду, на думаюсь, и весьма недавно, въ 1869 г., самымъ осязатель нымъ образомъ доказалъ, что склоняется на православіе Онъ въ этомъ году крестилъ съ благоговѣніемъ, какъ гово ритъ Гомолицкій, своего сына въ православной свислочской церкви (л. 7 на оборотѣ). Вопросъ о подпискѣ Малиновскаг на принятіе православія, на изобличеніе подложности кото рой г. Спасовичъ потратилъ столько усилій и подвергъ по срамленію сколько людей, получаетъ такимъ образомъ совер шенно иное юридическое освѣщеніе. Но мало того. Гомолиц кій показалъ, что и женихъ дочери Малиновскаго напрасно считаетъ себя латинянином. Онъ тоже съ своимъ отцомъ присоединился въ 1866 г. къ православію и получилъ зва ніе латинянина очень оригинальнымъ образомъ. Ему пришлось поступить въ казенные полѣсовщики и для этого принести присягу. Г. лѣсничій обратился за свѣденіемъ, какой вѣры кандидатъ въ полѣсовщики, крестьянинъ Болботъ, не къ ду ховнымъ лицамъ, а въ волостное правленіе, которое дало свидѣтельство, что Болботъ—латинянинъ. По этому-то ложъ-

ному свидѣтельству Болботъ получилъ и охрану казеннаго лѣса, и званіе латинянина. Это показаніе взято Гомолицкимъ изъ устъ отца полѣсовщика и потому заслуживаетъ большой вѣры. Гомолицкій при этомъ увидѣлъ на отдаленномъ планѣ битвы еще новыхъ враговъ, которыхъ и мы едва намѣтили. Указывать ихъ прямо смущается самъ Гомолицкій. Онъ входитъ въ довольно длинное скорбное разсужденіе о томъ, что «папизмъ, павшій повидимому на главномъ своемъ сѣдалищѣ... здѣсь, въ православномъ государствѣ, при послѣднихъ судорогахъ своихъ, очевидно усиливается и окрѣпляется». Наконецъ, только по довѣрію къ своей духовной власти, онъ прямо заявляетъ. «что къ увеличенію сего зла, т. е. къ потрясенію спокойствія нашей православной церкви въ окрестностяхъ Свислочи, больше всего способствуютъ своимъ потворствомъ или безвмѣстнымъ вмѣшательствомъ ближайшія вліятельныя на народъ власти, которыя не только не стараются содѣйствовать духовенству православному, чтобы успѣшнее возвратить и укоренить въ здѣшней, фанатизмомъ папскимъ и полонизмомъ зараженной мѣстности православіе—элементъ русской народности, какъ древнее достояніе сего края, но изъ непонятныхъ мнѣ причинъ, будто бы (какъ бы?) въ противность душевному стремленію всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи и чадъ православныя церкви, ласкаютъ и защищаютъ всѣхъ отступниковъ православныя церкви,—ласкаютъ и почти награждаютъ всѣхъ преступниковъ 1863 года, и такимъ образомъ дозволяютъ и почти помогаютъ повторяться, продолжаться и сильно утверждаться всему прежде введенному чуждому, вредному православной цер-

'кви и русской народности,—кажется больше, чѣмъ въ прежнія времена, только больше скрытыми путями» (л. 7 и 11).

Въ то самое время, когда Гомолицкій рисовалъ такую мрачную картину состоянія православія и русской народности въ свислочской области, въ осаждавшей его арміи происходило большое движеніе. Готовилась атака на него всѣми передовыми силами. Задолго еще до объявленія литовской духовной консисторіи, что давшіе подписку на православіе должны оставаться въ немъ, въ свислочской области сдѣлалось извѣстно, что подпискамъ дается такое важное значеніе, и вотъ—всѣ, рѣшившіеся удержаться въ латинствѣ, не смотря ни на свое происхожденіе отъ православныхъ родителей, ни на эти росписки, 21 человѣкъ, въ томъ числѣ и Осипъ Малиновскій съ родичами (*), подали въ тотъ самый день, когда писалъ свое знаменитое донесеніе Гомолицкій, одно общее прошеніе, въ которомъ свидѣтельствуютъ, что не заявляли сами никакого желанія присоединяться къ православію, а привлечены къ нему обманомъ и насиліемъ со стороны бывшаго мироваго посредника Щербова (**). Го-

(*) Ниже мы увидимъ, что опущеніе отчества Осипа Малиновскаго имѣетъ весьма важное значеніе въ настоящемъ случаѣ..

(**) Выписываемъ это прошеніе, удерживая его правописаніе, хотя это копія его. «Отъ непамятныхъ лѣтъ предки наши и родители всегда были католиками и всѣ семейства исполняли обряды въ римско-католическомъ костелѣ—но въ 1866 г. по распоряженію и личному наставанію б. (бывшаго?) мироваго посредника Щербова всякому извѣстнаго (извѣстно?) о его преслѣдованіи католиковъ и изтязаніяхъ имъ причиняемыхъ, мы были принуждены возмутительными мѣрами въ волостномъ правленіи о дачѣ подписокъ на принятіе православія, но когда мы на то при всѣхъ усиліяхъ мѣстнаго православнаго священника не

молицкій здѣсь оставляется какъ бы въ тѣни; но это было сдѣлано, какъ убѣдимся ниже, съ большимъ разсчетомъ. Щербова тогда не было уже въ волковыйскомъ уѣздѣ. Предполагалось вѣроятно, что отсутствующаго и опозореннаго всѣми, какъ на это указывается въ самомъ прошеніи, Щербова не станетъ сильно защищать даже свящ. Гомолицкій или защита его въ глазахъ всѣхъ будетъ казаться слабою. Но вожди наступающей арміи жестоко ошиблись въ своемъ разсчетѣ. Гомолицкій не сталъ напрасно тратить своихъ силъ на чужое дѣло, хотя, конечно, былъ не дурнаго мнѣнія о Щербовѣ. Онъ даже мало возмущается натискомъ наступающей арміи и просто, безъ всякихъ распространеній и скорбныхъ разсужденій, указываетъ на происхожденіе однихъ изъ подававшихъ проше-

---

согласились, то гоняли насъ какъ бы преступниковъ по другимъ православнымъ приходамъ и тамъ увѣщевая насъ съ укорительными угрозами и неблаговидными мѣрами къ принятію православной вѣры, но мы на то при многихъ мученіяхъ и изтязаніяхъ не согласились и никакихъ подписокъ не давали, и если показано православнымъ духовенствомъ, что будто бы мы согласились и дали подписки, то никто на то не могъ бы рѣшиться какъ только писарь волостнаго правленія по наставленію мироваго посредника Щербова, и при такихъ хотя угнетательныхъ дѣйствіяхъ, держась мы своей оставленной родителями нашими католической вѣры, въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ остаемся безъ исповѣди, а родившіеся дѣти наши не крещенными; ибо мѣстный настоятель свислочскаго костела не рѣшается къ допущенію насъ къ исполненію католическихъ обрядовъ, объявилъ намъ, что будто бы мы по объявленію мѣстнаго православнаго священника дали подписки къ принятію православія, чего никогда не было и мы о подпискахъ кто бы ложно совершилъ таковыя ничего незнаемъ (Л. 73). (Дальше— просьба оставить ихъ въ латинствѣ и перечисленіе лицъ подававшихъ это прошеніе).

ніе отъ православныхъ родителей и на добровольное, личное присоединеніе къ православію другихъ. Эта, повидимому, странная невнимательность Гомолицкаго къ нападавшей на него цѣлой арміи отпадшихъ отъ православія была въ дѣйствительности очень естественна. Гомолицкій ясно увидѣлъ дѣйствительныхъ своихъ враговъ, и сталъ бить ихъ наповалъ. Враги Гомолицкаго сдѣлали одну непростительную ошибку. Набирая ратниковъ, они какимъ то образомъ захватили и такого человѣка, который совсѣмъ не годился для ихъ арміи и въ дѣйствительности никогда не думалъ оставлять православіе. Онъ созналъ весь позоръ своего участія въ этой безнравственной атакѣ, бросилъ своихъ новыхъ соратниковъ, возвратился къ Томолицкому и весьма существенно дополнилъ имѣвшіяся у него свѣденія о дѣйствіяхъ главныхъ вождей этого полчища (*). Органистый свислочскаго латинскаго костела былъ ближайшимъ вождемъ этой арміи, ходилъ по домамъ жалобщиковъ, поднимая ихъ на жалобу, и хитро склонилъ къ уча-

(*) Этотъ, обманомъ завербованный ратникъ помѣщенъ въ прошеніи очень странно. Въ прошеніи говорится: «по личной просьбѣ неграмотныхъ крестьянъ» такихъ то... перечисляются имена и фамиліи жалобщиковъ въ родительномъ падежѣ,— и вдругъ нашъ ратникъ, человѣкъ грамотный, поименованъ въ именительномъ падежѣ, а дальше—опять имена и фамиліи въ родительномъ падежѣ и наконецъ: «какъ за неграмотныхъ по личной ихъ просьбѣ росписуюсь Ѳеодоръ Вайцѣховскій». Дѣло очевидное, что нашъ ратникъ просто росписался только за неграмотныхъ просителей, а потомъ ратники еще набирались послѣ его подписи, и оказался нужнымъ другой грамотный человѣкъ, который бы подписался и за нихъ, и такимъ явился Вайцѣховскій. Но нашъ ратникъ смѣшанъ былъ съ просителями и такъ прошолъ по нѣкоторымъ бумагамъ, какъ желавшій держаться латинства.

стію въ этомъ даже возвратившагося къ Гомолицкому крестьянина, отъ рожденія православнаго, всегда исполнявшаго свои христіанскія обязанности и повидимому усерднаго, какъ говоритъ Гомолицкій. За латинскимъ органистымъ стоялъ еще болѣе важный вождь, свислочскій латинскій ксендзъ, который, выражаясь славами Гомолицкаго, «разными подземными извѣтами, посредствомъ тайныхъ своихъ агентовъ (братчиковъ, нищихъ?) обнадеживаетъ легковѣрныхъ и не вполнѣ въ православіи утвержденныхъ яловскихъ и свислочскихъ крестьянъ въ возвратѣ ихъ опять въ латинство, и многимъ, наипаче яловскимъ ново-присоединившимся и склоннымъ къ отпаденію преподаетъ тайно духовныя требы» (л. 74—75).

Въ дѣлѣ литовской духовной консисторіи нѣтъ никакого указанія на то, какъ посмотрѣли тѣ, кому надлежало смотрѣть, на этихъ указанныхъ Гомолицкимъ вождей латинскаго движенія въ свислочской области; но мы имѣемъ изъ другихъ источниковъ свѣденія, что эти вожди даже при тѣхъ потворствахъ, о какихъ говорилъ Гомолицкій выше, найдены дѣйствительно таковыми, какими изобразилъ ихъ Гомолицкій, и лишены командованія надъ этой арміей.

Вотъ въ это-то время, 5-го ноября 1871 г., литовская консисторія выдвинула и огласила уже упомянутый нами принципъ, что кто добровольно принялъ православіе и далъ подписку, тотъ долженъ оставаться въ православіи, причемъ поименованы лица, подходящія подъ такой принципъ (л. 19 и 20). Но въ свислочской области и въ это время, какъ и прежде, дѣла шли своимъ, такъ сказать, независимымъ путемъ.

Восемь человѣкъ свислочской волости (мущины и женщины), какъ будто ничего не зная о томъ, что выдвинутъ вопросъ о значеніи подписокъ на православіе и что на незаконность этихъ подписокъ жаловались ихъ же братія числомъ 21, подали 5-го октября 1871 г. православной духовной власти прошеніе, въ которомъ, совершенно игнорируя свое присоединеніе къ православію, выражали изумленіе, почему Гомолицкій даетъ запрещеніе ихъ латинскому ксендзу принимать ихъ въ костелъ, къ которому они принадлежатъ отъ отцовъ и дѣдовъ, и такимъ образомъ они, какъ какіе либо невѣрующіе въ Іисуса Христа, остаются безъ святыхъ таинствъ, въ опасеніи умереть безъ христіанскаго напутствія. Не довольствуясь еще и этимъ, достаточно сильнымъ заявленіемъ, новые жалобщики въ концѣ своего прошенія разсказываютъ о такомъ дѣйствіи Гомолицкаго, которое способно было возмутить до глубины души даже невѣрующихъ, и если бы оказалось дѣйствительнымъ, то подвергало бы Гомолицкаго лишенію сана. «Неизлишнымъ считаемъ доложить, пишутъ жалобщики, что изъ насъ просителей Прасковія Кардашева когда насильно была приведена въ церковь по распоряженія отца Гомолицкаго, то по выслушаніи отъ нея исповѣди, хотя она заявила, что была подъ ѣвшій (т. е. уже не много ѣла?) но отецъ Гомолицкій не смотря на то насильственнымъ образомъ далъ ей святые тайны» (л. 37). Пошли обычные запросы Гомолицкому. Легко и удивительно спокойно развязываетъ онъ этотъ Гордіевъ узелъ. Пять человѣкъ изъ числа жалобщиковъ дали, по его показанію, добровольную подписку на присоединеніе къ православію, мvропомазаны, пріобщены и числятся въ

метрическихъ книгахъ (*). Двое другихъ (Цыдзикъ и Чмель) присоединены въ сосѣднемъ приходѣ, гдѣ и должны быть документы. Что же касается Прасковіи Кардашевой, которая будто бы насильно пріобщена, то она «есть, говоритъ Гомолицкій, личность выдуманная, ни по метрическимъ книгамъ и исповѣднымъ росписямъ при свислочской церкви не состоящая (**), какъ выдуманный (выдуманъ?) и никогда не бывалый извѣтъ на свислочскую церковь о ея Прасковіи Кардашевой нигдѣ въ мірѣ семъ несуществующей (несуществующемъ?) причащеніи». Затѣмъ Гомолицкій поясняетъ, что подобнаго рода «извѣты и легенды, оскорбляющіе святую православную церковь, выдумываются и разглашаются латинскою шляхтою»... (одной изъ сосѣднихъ околицъ)... и дѣлаетъ догадку, что всю эту исторію выдвинулъ одинъ изъ шляхтичей, получившій чинъ коллежскаго секретаря

(*) (Такіе то крестьяне:) «Сами добровольно явились ко мнѣ въ церковь, пишетъ Гомолицкій, изъявили добровольное, рѣшительное свое намѣреніе изъ латинства присоединиться къ святой православной каѳолической церкви, выдали въ томъ собственноручныя подписки приняли святое Мyропомазаніе,—послѣ того исповѣдались и причастились Тѣла и Крови Христовой въ свислочской ввѣренной мнѣ церкви и записаны въ метрической книгѣ о присоединившихся за 1867 годъ (л. 39).

(**) Въ другомъ своемъ донесеніи Гомолицкій выражается еще обстоятельнѣе. «Прасковія Кардашева, говоритъ онъ, ни въ документахъ церковныхъ нигдѣ не записана и въ деревни Рожкахъ не обрѣтается,—это личность совершенно выдуманная, такъ какъ и прошенія ихъ (жалобщиковъ) пишутся по наговору подземныхъ дѣятелей въ пользу папизма всегда почти напротивъ воли принужденныхъ просителей» (Л. 126).

за долговременную службу на одномъ педагогическомъ постѣ (названъ по фамиліи), всегда оными (т. е. извѣтами и легендами) рыкующій (рыкающій?) (л. 40 и 41).

Въ дѣлѣ литовской духовной консисторіи нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, произведено ли было удостовѣреніе, какимъ образомъ попало въ прошеніе несуществующее лицо, принесшее такую вопіющую жалобу, или не виновенъ ли въ самомъ дѣлѣ Гомолицкій? Въ дѣлѣ находятся лишь архивныя справки. По одной изъ нихъ подписки на православіе Прасковіи Кардашевой дѣйствительно не оказалось. Не оказалось сначала этой Прасковіи Кардашевой и по другой, болѣе важной справкѣ — въ метрическихъ консисторскихъ книгахъ свислочской церкви, но потомъ въ этой послѣдней справкѣ тою же рукою имя ея надписано вверху послѣ другой Кардашевой-Анны, тоже жаловавшейся въ томъ же прошеніи (л. 41 на оборотѣ) (*). Такъ и остается это вопіющее дѣло неуясненнымъ, прекратившимся безъ конца. Но оно прекратилось только въ бумагахъ. Въ дѣйствительности оно оказалось живучимъ, только въ другой формѣ; оно воскресло въ другомъ прошеніи съ именами двухъ крестьянъ, помѣщенныхъ въ этомъ прошеніи.

Мы замѣчали выше, что о двухъ изъ жалобщиковъ, подававшихъ прошеніе вмѣстѣ съ инокинею Прасковьей Карда-

(*) Мы по телеграфу просили сдѣлать новую справку, есть ли въ метрическихъ книгахъ свислочской церкви за 1867 г. Прасковія Кардашева или нѣтъ? Отвѣтъ, подписанный г. секретаремъ лит. д. консисторіи, полученъ: «записи Прасковіи Кардашевой нѣтъ». Затѣмъ получено письменное извѣщеніе, что такого лица нѣтъ въ метрическихъ книгахъ не только за 1867 г., но и за ближайшіе годы, за 1866 и за 1868 г.

шевой, Гомолицкій замѣтилъ, что они присоединены въ сосѣднемъ приходѣ (росскомъ). Подписки ихъ оказались въ литовской консисторіи, но для болѣе точнаго разъясненія дѣла консисторія послала запросъ росскому священнику. По всей вѣроятности, эти жалобщики-крестьяне Цыдзикъ и Чмель узнали о такомъ направленіи ихъ дѣла и 1-го мая 1872 года подали новое прошеніе, въ которомъ изображаютъ поразительную картину насилій, какимъ подвергалъ ихъ другой мировой посредникъ—Львовъ, какъ къ нимъ наѣзжала экспедиція волостныхъ властей, какъ ихъ тягали то въ Свислочь, то въ Росу, гдѣ заключали въ такое тѣсное помѣщеніе, что нельзя было ни свободно стоять, ни сидѣть, что наконецъ, въ ихъ отсутствіе изъ домовъ туда наѣзжали и внезапно нападали на ихъ семейства сторожъ и казакъ, отъ чего нѣкоторыя изъ женщинъ впадали въ обморокъ, но что не смотря на всѣ эти насилія, они просители не соглашались принимать православіе, подписки за нихъ подложно писалъ кто либо другой, вѣрнѣе всего, волостной писарь, и что наконецъ, хотя ксендзъ не принимаетъ ихъ къ себѣ уже столько лѣтъ, но они остаются при своемъ рѣшеніи быть латинянами (*). Это запутанное и безъ

(*) Выписываемъ болѣе важную часть этого довольно длиннаго прошенія (подлинникъ). «Въ 1866 году бывшій нашъ ятвезскій волостной старшина... (названъ) и писарь Николай Доброхотовъ, нынѣ умершій, по распоряженію мироваго посредника 2-го участка волковыскаго уѣзда маіора Львова, присылалъ въ нашу деревню (Ясколдовъ) сторожей ятвезскаго волостнаго правленія доставить насъ въ волостное правленіе, для предложенія намъ, присоединиться къ православію, но мы все не являлись, зная въ чемъ состоитъ суть; наконецъ, прибывшій изъ мѣстечка Роси мировой посредникъ Львовъ въ Свислочь, прика-

того дѣло осложнилось еще самымъ неожиданнымъ образомъ. Священникъ росской церкви на упомянутый нами запросъ объ обращеніи въ православіе Цыдзика и Чмеля отвѣтилъ, что такого обращенія у него не было, подписки на православіе этихъ крестьянъ съ его подписью должно быть подложны, и онъ тогда только признаетъ ихъ подлинность, когда своими глазами увидитъ свою подпись на нихъ. Подписки послали, а между тѣмъ вторично спросили Гомолицкаго. Гомолицкаго это дѣло мало казалось, но этотъ знатокъ свислочскихъ событій быстро вспомнилъ довольно уже давно прошедшее время и раскрылъ на прощаніи съ Свислочью, какъ сейчасъ уви-

---

залъ старшинѣ (фамилія старшины) и писарю Доброхотову вызвать насъ письменною повѣсткою въ волостное правленіе, и послѣдній разъ предложить намъ присоединиться къ православію и буде и за симъ не присоединимся къ православію, то доставить насъ въ Россь къ нему. Сказано,—сдѣлано. Насъ въ числѣ другихъ взяли и доставили къ посреднику Львову въ Россь. Въ Росси изъ насъ Цыдзика Львовъ посадилъ въ тѣснѣйшую коморочку, въ которой нельзя было, ни свободно стать, ни лечь, а Чмеля посадилъ, тотъ же Львовъ, подъ арестъ, при волостномъ правленіи, въ этихъ заключеніяхъ, мы пробыли близко сутокъ, и по распоряженію Львова имѣли насъ разослать православнымъ священникамъ на увѣщанія, но когда изъ насъ Цыдзикъ на это несогласился, то по распоряженію Львова отъ имени нашего написалась одна подписка, о томъ, что будто бы мы добровольно присоединяемся и за насъ предложена была къ подписи въ росскомъ волостномъ правленіи какому то маленькому помощнику волостнаго писаря... (названъ), за насъ неграмотныхъ, чего конечно, мы не просили и на присоединеніе къ православію несоглашались. По этой подпискѣ мни, мало нашего желанія присоединиться къ православію мы нигдѣ у православныхъ священниковъ не исповѣдывались и въ православныхъ церквахъ не пріобщались (л. 123)...

димъ, весьма важныя вещи, по крайней мѣрѣ касательно одногоизъ жалобщиковъ. «Когда Симонъ Ивановъ Чмель, писалъ Гомолицкій 14-го октября 1872 г., изъявилъ вожделеннѣйшее желаніе присоединиться къ православно-каѳолической церкви изъ латинскаго обряда и выдалъ въ томъ добровольную подписку въ присутствіи свидѣтелей и священника, то послѣ сего онъ, Чмѣль, прибылъ было съ женою Софіею и дочерью Іульяною въ волостное ятвѣское правленіе и въ присутствіи г. мироваго посредника и моемъ при многихъ бывшихъ свидѣтеляхъ и волостномъ писарѣ изявили сами: жена и дочь Симона Чмеля искренное восторжное добровольное желаніе остаться прихожанками православно-каѳолической церкви—нераздѣльно жена съ мужемъ и дочь съ отцомъ, вышепрописаннымъ Чмѣлемъ (*таковое воодушевленіе и восторгъ вообще тогда проявлялся было въ народѣ*), и на основаніи таковаго ихъ собственнаго добровольнаго желанія, они сопричислены къ приходу Свислочской церкви, и комиссія бывшая тогда для повѣрки народонаселенія гродненской губерніи по вѣроисповѣданію, признала ихъ Софью и Юлью (Іульяну) Чмѣлевыхъ православными христіанами и *въ присутствіи ксендза депутата* отчислила ихъ отъ прихода латинскаго» (л. 127—128) (*). Дѣло затянулось, перешло въ 1873 г. и, какъ увидимъ, потребовало еще нѣсколькихъ лѣтъ и обнаружило такія но-

(*) Все это, очевидно происходило до того времени, когда Цыдзикъ и Чмель призывались мировымъ посредникомъ въ Россь. Понятно, послѣ этого, почему они туда призывались и почему даже за женщинами посылали въ деревню. Все это могло быть, но было потому, что всѣ эти лица еще прежде сами зачислили себя въ среду православныхъ, даже въ присутствіи латинскаго ксендза.

выя, еще болѣе неожиданныя особенности, которыя должны были бы немедленно вызвать самое напряженное вниманіе исправлявшаго должность волковыйскаго судебнаго слѣдователя г. Эртеля; но его вниманіе по прежнему обращено было совершенно въ другую сторону и совершенно поглощено было старымъ дѣломъ.

Между тѣмъ свислочскій уединенный столбъ-Гомолицкій поколебался,—поколебался не отъ натиска и прямыхъ ударовъ осаждавшей его арміи, а напротивъ—отъ того, что она отошла отъ него и сосредоточилась у слѣдовательской камеры г. Эртеля, гдѣ одно за другимъ выступали беззаконія Гомолицкаго, гдѣ, между прочимъ, выступилъ союзникъ миѳической Прасковіи Кардашевой Ѳеодоръ Осиповъ Янушкевичъ, совершенно также, какъ Малиновскій, и происходившій отъ православной матери, и давшій подписку, въ 1866 г. и также крестившій въ православной церкви своего сына, однако жаловавшійся, что его насильно присоединили и пріобщили, не смотря на его заявленіе, что онъ уже пилъ водку и закусывалъ булкой (л. 111).

Къ началу августа 1873 года г. Эртель закончилъ свое многотрудное слѣдствіе по дѣлу совратившихся въ латинство, причемъ забылъ первоначальную свою задачу, — въ его глазахъ выступалъ уже на первомъ планѣ съ своими беззаконіями священникъ Гомолицкій, такъ что г. Эртель, вопреки первоначальной своей задачѣ, ставилъ его въ своей бумагѣ въ литовскую консисторію, при которой препровождалъ слѣдственное дѣло, прежде совратившихся. Вотъ это замѣчательное доказательство страстности испол-

нявшаго должность судебнаго слѣдователя волковыйскаго уѣзда г. Эртеля: «Препровождая настоящее дѣло имѣю честь покорнѣйше просить духовную консисторію согласно 791 ст. XV т. II ч. опредѣлить роль священника Гомолицкаго, на сколько она выяснена обстоятельствами, собранными въ дѣлѣ, и сказавъ кто изъ лицъ привлеченныхъ къ отвѣтственности долженъ быть православнымъ и кто католикомъ—дѣло возвратить ко мнѣ обратно вмѣстѣ съ отзывомъ, въ возможной скорости» (л. 104). Г. Эртелю, вѣроятно, уже представлялся священникъ Гомолицкій въ ближайшемъ будущемъ лишеннымъ сана и отданнымъ, чего добраго, въ руки такихъ же безпристрастныхъ представителей суда, какъ самъ онъ. Но этого не случилось. Поколебавшійся свислочскій столбъ не былъ сокрушенъ, а хотя весьма безцеремонно, но въ сущности съ надлежащей осторожностію и можетъ быть бережно перенесенъ лишь въ другое мѣсто въ сосѣдній — слонимскій уѣздъ (*).

Дѣло Цыдзика и Чмеля, а тѣмъ болѣе другія дѣла однако отъ этого не упростились, а напротивъ еще больше усложнились. На свислочскомъ мѣстѣ Гомолицкаго поставленъ новый священникъ, родомъ изъ внутреннихъ губерній—обладавшій, конечно, весьма важнымъ въ этой страстной борьбѣ качествомъ — спокойнымъ отношеніемъ къ дѣлу, но имѣвшій

(*) Священникъ Гомолицкій по требованію генерала Потапова былъ лишенъ свислочскаго прихода, и нѣкоторое время оставался безъ мѣста, даже будто-бы въ запрещеніи, но при первой возможности литовская духовная власть дала ему новое мѣсто, на которомъ онъ никакъ не могъ бы жалѣть о своемъ перемѣщеніи, если бы его занимали одни матеріальныя выгоды.

при этомъ и весьма существенный недостатокъ—совершенное незнаніе дѣла и неизбѣжное неумѣніе найтись въ своемъ трудномъ положеніи. Недавалось даже никакъ надлежащее разъясненіе православія Цыдзика и Чмеля. Но за разъясненіе его взялся вдругъ новый человѣкъ, недавній тогда благочинный волковыйскій, Смольскій—старожилъ тѣхъ мѣстностей и старый, опытный наблюдатель подобнаго рода дѣлъ. Онъ поѣхалъ въ Свислочь и при первомъ прикосновеніи къ дѣлу Цыдзика и Чмеля открылъ совершенно неожиданныя особенности. Въ присутствіи свидѣтелей Цыдзикъ и Чмель показали, что никакого прошенія не писали, что прошеніе отъ ихъ имени—подложное прошеніе, причемъ они прямодушно раскрыли любопытную исторію и старагó ихъ прошенія (5-го октября 1871 г.), когда они были поставлены рядомъ съ миѳической Прасковіей Кардашевой, именно: Цыдзикъ заявилъ, что то прошеніе писалъ имъ незнакомый ему свислочскій еврей, а Чмель еще болѣе подорвалъ достовѣрность этого прошенія, заявивъ, что и на то прошеніе онъ не давалъ своего полномочія, что объ этомъ хлопоталъ Цыдзикъ (л. 130 и 131).

Открытіе это пошло въ ходъ, стали разъяснять его,—впрочемъ не г. Эртель, а полицейскія власти, и наткнулись опять на неожиданность. Тоже при свидѣтеляхъ эти крестьяне показали, что прошеніе отъ 1-го мая 1872 г. не они писали,—писалъ имъ одинъ незнакомый имъ жидъ. Благочинный Смольскій опять поѣхалъ въ Свислочь, и выплыли снова новыя открытія. Цыдзикъ и Чмель тоже при свидѣтеляхъ показали, что въ дѣйствительности дѣло было такъ: незнакомый имъ

жидъ въ корчмѣ такого-то жида (названъ) написалъ имъ это прошеніе отъ 1-го мая 1872 г., но не хотѣлъ подписаться самъ, а представилъ 15-ти-лѣтняго мальчика, который подписался. Это-то прошеніе они и посылали черезъ волостнаго разсыльнаго, которому вручили пять копѣекъ, но это было опять таки другое прошеніе, а не то, которое теперь разъясняется и подписано Обуховскимъ (л. 135). Стала развязываться эта путаница и съ другой стороны. Священникъ росской церкви, получивъ подписки Цыдзика и Чмеля, увидѣлъ, что на нихъ дѣйствительно его рука и вспомнилъ, что дѣйствительно они давали эти подписки и были даже имъ исповѣданы, но на утро отпущены мировымъ посредникомъ Львовымъ, который объяснилъ священнику, что они не отказываются отъ православія и могутъ пріобщиться и въ Свислочи. По этому-то объ нихъ и нѣтъ другихъ документовъ въ росской церкви (л. 132).

По новому полицейскому дознанію крестьяне Цыдзикъ и Чмель упростили дѣло тѣмъ, что сознали невѣрность обоихъ своихъ показаній благочинному Смольскому и объяснили эту невѣрность тѣмъ, что боялись подвергнуть отвѣтственности подписавшаго ихъ прошеніе отъ 1-го мая 1872 г. мальчика (л. 138—139). Но можетъ быть этимъ простымъ людямъ приходилось бояться еще болѣе за кого либо другаго. Въ одномъ показаніи Гомолицкаго нехорошо намѣченъ одинъ отставной капитанъ русскихъ войскъ, для котораго разслѣдованіе о прошеніи Цыдзика и Чмеля могло быть весьма и весьма не безразличнымъ, такъ какъ оно могло повести къ открытію въ его лицѣ автора этого прошенія и притомъ такого автора,

который показалъ совсѣмъ не русскую храбрость, скрылъ себя, а выставилъ на позоръ родное дитя.

Вотъ въ это-то время (было это уже въ 1876 г.) снова обратились (это уже въ третій разъ) къ Гомолицкому на новомъ его мѣстѣ и тогда то онъ, давъ нѣсколько фактическихъ данныхъ, какъ бы со стономъ человѣка, которому нѣтъ нигдѣ успокоенія, выразился: «давность времени и обстоятельства все унесли изъ моей памяти», и снова воскликнулъ: «таковое воодушевленіе и восторгъ вообще тогда проявлялся было въ народѣ» (л. 127 на оборотѣ)!

Оба эти, повидимому случайные эпизоды въ шумной исторіи Осипа Ивановича Малиновскаго въ дѣйствительности имѣли важное, тѣсно съ нею связанное значеніе. Вмѣстѣ съ нею они выражали одинъ и тотъ-же принципъ — запутать, елико возможно больше, все это дѣло.

Въ то время, какъ происходили эти, какъ будто побочные эпизоды, работалъ сильно весь родъ Малиновскихъ. Случайно или нѣтъ въ этомъ родѣ то и дѣло поднимался животрепещущій семейный интересъ — нужда крестить дѣтей и особенно нужда вѣнчать свадьбы. Жалобы на беззаконныя затрудненія этимъ важнымъ интересамъ посылались и въ Вильну и въ Петербургъ и даже въ коммиссію у принятія прошеній на Высочайшее имя (лл. 45, 68, 100, 119, 120, 152 и 156). Когда всѣ эти жалобы собрались въ литовской духовной консисторіи, то обнаружилась странность. Не только оказалось очень ужъ много Малиновскихъ, но и въ числѣ ихъ такіе, которые дѣйствительно всегда принадлежали къ латинской церкви. Опять выступилъ благочинный Смольскій

и, кажется, даже не сознавая всей важности своего новаго открытія, заявилъ, что въ Свислочи есть два Осипа Малиновскихъ,—одинъ (нашъ знакомый) Осипъ Ивановичъ Малиновскій, другой Осипъ Михайловичъ Малиновскій, не подлежавшій никакому запросу, какъ неоспоримый латинянинъ (л. 151) (*). Въ прошеніяхъ дѣти того и другого—все Осиповичи—смѣшаны и есть указаніе на то, что тревожили по вопросу о православіи и Осипа Михайловича Малиновскаго, неизвѣстно, одни-ли чужіе для него—православные, или въ дѣйствительности свои — латиняне коварно подняли его на ноги (лл. 151 и 154). Скептики могли бы даже теперь задаться вопросомъ: какой реальный Малиновскій былъ въ сенатѣ, былъ защищаемъ г. Спасовичемъ и клялся передъ гг. сенаторами, что никогда не принималъ православія, — дѣйствительно-ли Осипъ Ивановичъ, или, чего добраго, Осипъ Михайловичъ Малиновскій?!

Въ этомъ невообразимомъ хаосѣ, въ которомъ яснѣе всего мелькали и очерчивались страсти и страсти, литовская духовная консисторія разобралась еще въ 1873 г. и разобралась съ такимъ спокойствіемъ, достоинствомъ и даже гуманностію, что, безъ сомнѣнія, прославлена была бы на весь русскій міръ, еслибы въ этомъ мірѣ тоже не было хаоса и еслибы въ

(*) Въ разъясненіяхъ этихъ по предписанію благочиннаго принималъ участіе новый свислочскій священникъ, но его разъясненія таковы, что убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываютъ, какъ трудно новымъ людямъ справляться съ западно-русскими дѣлами. Въ одномъ изъ этихъ поясненій выступаетъ съ авторитетомъ свидѣтелей цѣлая серія крестьянъ, давно обозначившихся, какъ орудіе латино-польскихъ интригъ (л. 154—155).

немъ тоже не обозначались застарѣлыя страсти и предубѣжденія. Литовская духовная консисторія не могла измѣнять законовъ русскаго государства, и потому, когда увидѣла необходимость, оперлась на нихъ и заявила, что происходящіе отъ неоспоримо православныхъ родителей должны принадлежать православной церкви. Что же касается добровольно присоединившихся къ православію, подпискамъ которыхъ она прежде давала такое значеніе, какъ удостовѣренію добровольнаго присоединенія, то теперь, когда на каждомъ шагу возникало сомнѣніе, имѣли ли онѣ такое значеніе, литовская консисторія стала выше своего самолюбія, выше своего, даже основательнаго предъубѣжденія противъ г. Эртеля, и постановила, что только тѣ изъ давшихъ подписки на православіе должны быть православными, которые послѣ этихъ подписокъ дѣйствительно присоединены къ православію, муропомазаны, пріобщены и внесены въ метрическія книги (лл. 111—115). Въ рѣшеніи литовской духовной консисторіи есть даже такія доказательства гуманныхъ воззрѣній, которыя могутъ показаться совершенно новыми для тѣхъ, кто привыкъ думать, что у насъ заботятся лишь объ одной формальной принадлежности къ православной церкви. Такъ, между прочимъ, въ этомъ постановленіи есть такой фактъ, что предоставляется на волю крестить въ православной вѣрѣ или латинской дочь умершаго крестьянина Петрашевича, который неоспоримо присоединился къ православію, предоставляется это на волю потому, что въ домѣ Петрашевича никого нѣтъ православнаго, т. е. некому было воспитать дитя въ православіи и безжалостно было бы оставлять его въ православіи среди

иновѣрцевъ, нерасположенныхъ къ этой вѣрѣ (л. 114 на оборотѣ).

Можно съ различныхъ точекъ зрѣнія оцѣнивать существующіе у насъ порядки для охраны нашей вѣры; но едвали кто можетъ оспорить, что въ данной нашею исторіей русской дѣйствительной жизни литовская духовная консисторія поступила и законно и гуманно. Сила этого рѣшенія литовской духовной консисторіи, безъ сомнѣнія, была понята и признана и гродненскою уголовною палатой, отказавшею всѣмъ подобнымъ просителямъ, въ томъ числѣ и Осипу Ивановичу Малиновскому.

Но къ великому нашему изумленію это ясное, законное дѣло совсѣмъ иначе представляется въ Петербургѣ. Мы уже не будемъ вторично останавливаться на томъ, что г. Спасовичъ, столь опытный и столь извѣстный защитникъ, какимъ бы то ни было образомъ, упустилъ изъ виду существенную, ясную, какъ день, особенность дѣла Малиновскаго,—борьбу, страстность обѣихъ здѣсь сторонъ, православной и латинской, и такъ смѣло закрывая грѣхи одной стороны—латинской, такъ невоздержно обличалъ въ беззаконіяхъ другую—православную сторону. Въ настоящій разъ насъ занимаетъ болѣе важный вопросъ. Мы никакъ не можемъ понять, какимъ это образомъ могло случиться, что *русскій присяжный* повѣренный, повторяемъ, столь опытный и столь извѣстный русскій присяжный повѣренный, обязанный знать русскіе законы, игнорировалъ передъ высшими нашими судьями законъ русскаго государства касательно дѣтей отъ смѣшаннаго брака, къ числу которыхъ принадлежитъ Осипъ Ивановичъ Ма-

линовскій? Но, что еще важнѣе, если вѣрить достовѣрности маленькой, но весьма важной прибавкѣ къ рѣчи г. Спасовича, напечатанной въ газетѣ «Голосъ», то окажется, что игнорированіе дѣйствующаго русскаго закона шло дальше. Въ этой коротенькой прибавкѣ говорится, что г. первоприсутствующій сенаторъ спрашивалъ Малиновскаго, давалъ ли онъ подписку, на что Малиновскій отвѣтилъ не только отрицаніемъ, но даже побожился, что не давалъ. Если вѣрить, что такъ дѣйствительно было дѣло въ сенатѣ, что только этотъ вопросъ предложенъ былъ Малиновскому, а прежде этого вопроса не предлагался никакой другой, то необходимо было бы думать, что и гг. сенаторы какимъ то образомъ введены были въ заблужденіе касательно дѣла Малиновскаго и не знали, что онъ происходитъ отъ смѣшаннаго брака, иначе они его непремѣнно спросили бы прежде о томъ, знаетъ ли онъ, что происходитъ отъ православной матери, хотя бы то числившейся когда то уніяткой? Тогда бы сообщенный газетой «Голосомъ» вопросъ не имѣлъ уже по нашимъ законамъ мѣста, а если нашелъ бы себѣ мѣсто въ виду высшихъ принциповъ гуманности, то неиначе, какъ второстепенное мѣсто и во всякомъ случаѣ второе по порядку этихъ вопросовъ. Въ томъ же видѣ, какъ это дѣло передано въ «Голосѣ» и разошлось по Россіи, т. е. что предложенъ былъ только второстепенный, второй вопросъ, какъ единственный, имѣющій мѣсто, многимъ, знающимъ происхожденіе Малиновскаго отъ смѣшаннаго брака, могло казаться, что не только г. Спасовичъ, но будто бы и наши первѣйшіе охранители законовъ русскаго государства колеблютъ ихъ

авторитетъ, да еще въ глазахъ жителей такой русской области, въ которой столько разъ приходилось силою оружія возстановлять русскіе законы и тратить столько русской крови, русскаго труда и русскихъ денегъ!

Послѣ всего этого намъ вѣроятно позволительно будетъ повторить выраженіе, которое мы употребили въ концѣ нашего возраженія «Церковно Общественному Вѣстнику» по поводу его сужденій о дѣлѣ Малиновскаго: *«не такъ легко нужно судить дѣла и людей западной Россіи»*!

М. Коялович.